

Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации*

Р.Ю. Почекаев

заведующий кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент. Адрес: 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. Адрес: E-mail: ropot@mail.ru

Аннотация

В статье прослеживается эволюция налоговой системы в Казахстане в период его нахождения в составе Российской империи и анализируется процесс интеграции казахов в имперское политико-правовое пространство. Реформа налогообложения рассматривается как одно из направлений фронтальной модернизации «национальной окраины» Российской империи.

В течение первого периода пребывания Казахстана в составе Российской империи сохранялась традиционная форма налогообложения в форме ясак, распространенного среди всех кочевых народов Евразии еще со времен Монгольской империи. Однако по мере все большей интеграции казахов в имперское политико-правовое пространство система налогообложения изменялась в целях сближения местного населения с населением других регионов Российской империи. Соответственно, постепенно традиционный тюрко-монгольский ясак (своеобразный «подходящий налог») был заменен фиксированным кибиточным сбором. Несмотря на то что эти изменения имели негативные последствия для многочисленной бедной части населения Казахстана, в целом реформа не вызвала широкого недовольства, что объяснялось ее постепенным характером: сначала она была произведена в рамках Младшего жуза, более тесно связанного с Россией, затем — в Среднем жузе. Успех реформы, начатой в 1830-е годы, подтверждается тем, что она получила официальное закрепление в процессе более широких преобразований конца 1860-х годов, а также и в нормативных актах 1880–1890-х годов.

Автор предлагает рассматривать эволюцию налогообложения в Казахстане не только как реформу в области бюджетной политики по отношению к кочевым народам с целью увеличения денежных поступлений из этих регионов, но и как элемент более масштабных преобразований в рамках общей модернизации Российской империи в рассматриваемый период времени — в период Великих реформ Александра II. Соотнесение сведений о налоговых преобразованиях со сведениями о других политико-правовых процессах, происходивших в Казахстане в XIX в., дает основание для такого заключения.

Ключевые слова

Российская империя, Казахстан, налоговая реформа, традиционное и современное государство, фронтальная модернизация, ясак, кибиточный сбор, Великие реформы, имперское политико-правовое пространство.

* Статья представляет собой расширенную версию доклада, представленного на Всероссийской научной конференции с международным участием «Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.» 15 мая 2013 г. (участие в конференции — при поддержке Научного фонда НИУ ВШЭ) и существенно переработанного по итогам обсуждения. Текст доклада ранее не публиковался.

Теория модернизации была разработана западными учеными в 1960–1970-е годы и в последнее время получает все более широкое распространение в отечественных исторических и связанных с ними исследованиях. Во многом это заслуга представителей Уральской научной школы, которые сумели существенно развить и применить модернизационный подход, разработанный западными учеными, к российским реалиям XVIII — начала XXI в., показать его не только научно-методологическую, но и практическую ценность¹.

Под модернизацией представители ведущих научных школ понимают: 1) всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу; 2) процесс взаимодействия структур и деятельностей, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу².

Особенно актуальной разработкой уральских ученых стали исследования процессов фронтальной модернизации, в рамках которой активно изучаются модернизационные процессы на окраинах России (преимущественно восточных), рассматриваются направления интеграции этих регионов в общероссийское политическое, экономическое и культурное пространство³. В последние годы эта концепция нашла многочисленных последователей, исследующих историю развития различных регионов России (Урал, Сибирь, Дальний Восток)⁴.

С точки зрения методологии теория модернизации, несомненно, носит междисциплинарный характер. Создатели модернизационного подхода на Западе являлись преимущественно социологами, философами, политологами, их же российские последователи, будучи историками, вместе с тем широко используют методы и результаты истории техники, экономики, политологии, социологии и т.д. Это позволяет исследовать различные направления и аспекты процесса модернизации России, выявить разнообразие ее методов и механизмов.

¹ С конца 1990-х годов по настоящее время коллективом Института истории и археологии Уральского отделения РАН регулярно проводятся специализированные мероприятия, посвященные модернизационным процессам в истории России, подготовлен ряд индивидуальных и коллективных монографий и сборников статей, см., в частности: Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и новаций: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Ю. Казакова-Апкаримова. Екатеринбург, 2008; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург, 2011; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011; Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2012.

² Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. С. 23–24.

³ Теоретическая основа концепции фронтальной модернизации разработана И.В. Побережниковым, см. напр.: *Побережников И.В.*: 1) Азиатская Россия: фронтальная модернизация // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Т. 96. 2011. № 4. С. 191–203; 2) Фронтальная модернизация в контексте российской цивилизации // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 47–61; 3) Административный фактор в контексте фронтальной модернизации Урала XVIII–XIX вв. // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI века): сб. ст. Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Оренбург, 30 октября — 2 ноября 2012 г.) / под ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. Оренбург, 2012. С. 17–20.

⁴ См., напр.: *Басыров Р.Р.* Теория модернизации и история Башкирии XVIII в. // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: матер. 13-й междунар. конф. молодых ученых 26–30 декабря 2002 г. СПб., 2002. С. 460–463; *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронталь в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; *Щербина А.* Влияние интеграционных и модернизационных процессов на Российскую империю (вторая половина XIX — начало XX столетия) // Логос. 2004. № 5 (44). С. 201–215.

Однако широко используя наработки в области истории, социологии, политологии и прочих гуманитарных и социальных наук и дисциплин, создатели ведущей школы в области модернизации практически не уделили внимания правовым аспектам модернизационных процессов. Впрочем, это вполне объяснимо, поскольку коллектив Уральской научной школы представляют, прежде всего, историки и археологи. Кроме того, среди их последователей в последние годы появились и представители юридической науки, занимающиеся изучением правовых аспектов истории России и ее регионов, в том числе, фронтирных⁵.

Исследователи выделяют различные механизмы и средства распространения инноваций в целях адаптации отдельных регионов к общему, более высокому уровню государства (вернее, его центра), что и составляет сущность модернизаций⁶. Соответственно, в настоящей статье автор предпринимает попытку рассмотреть в контексте фронтирной модернизации еще одно такое средство — реформы налогообложения в Казахстане в составе Российской империи как средства, которое до сих пор, насколько известно, не становилось предметом исследования в качестве механизма (или средства) распространения инноваций.

Тут следует отметить, что представители Уральской школы и их коллеги, как правило, ограничиваются исследованием процессов модернизации на территории современной России, что делает их работу актуальной в масштабе нашей страны. Пристальным вниманием исследователей пользуются пограничные регионы России — Урал, Сибирь, Дальний Восток, в связи со своеобразием развития которых была даже предложена особая концепция «фронтирной модернизации». Однако при этом бывшие «национальные окраины» Российской империи остаются, таким образом, как бы «за фронтиром», что, на наш взгляд, не совсем корректно⁷. Например, Казахстан в XIX в., несомненно, являлся неотъемлемой частью Российской империи, собственно и представляя собой фронтирную зону. Во-первых, он находился в ведении административных властей именно тех регионов, которые сегодня рассматриваются как фронтирные регионы (Урал, Западная Сибирь). Во-вторых, казахи в XIX в. весьма активно интегрировались в общеимперское политико-правовое пространство. Лишь отдельные исследователи уделяют внимание модернизационным процессам в казахском обществе в имперский период⁸. Настоящее исследование продолжает эту тематику и представляется весьма актуальным в связи с активизацией интеграционных процессов на евразийском пространстве. Изучение и

⁵ См., напр.: Акишин М.О. Функции государства и процесс модернизации // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3. С. 58–74; Воропанов В.А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Ураде и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011.

⁶ См. подробнее: Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. С. 98 и след.

⁷ Любопытно, что аналогичной позиции, ограничивая исследования территориями Сибири и Дальнего Востока, придерживаются и специалисты, независимо от екатеринбургских ученых занимающиеся изучением процессов модернизации окраин, см., напр.: Дамешек Л.М. Окраинная политика как фактор инкорпорации сопредельных территорий Российской империи (XVIII — начало XX в.) // Вестник БНЦ СО РАН. Вып. 2. Улан-Удэ, 2011. С. 63–65.

⁸ См.: Воропанов В.А. Региональный фактор... С. 450–504; Тебаев Д.Б. Фронтир в политике Российской империи на территории Степного края во второй половине XVIII века (на примере Младшего и Среднего Жузов) // Иран-наме. 2010. № 1 (13). С. 246–256; Щеглова Т.К. Связи предпринимателей Степного края с сибирскими рынками: тенденции и динамика развития в период модернизации последней трети XIX — начала XX в. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы международной научной конференции. Барнаул, 27–28 марта 2008 г. Барнаул, 2008. С. 221–233.

осмысление опыта такой интеграции в имперский период может иметь значение и в современных практических реалиях.

Специфика фронтирной зоны заключается в том, что она имеет как бы две границы. Одна из них — внешняя, официально и юридически закреплённая государственная граница той страны, в состав которой такая зона входит. Вторая — своеобразная внутренняя граница, которая нередко также имеет административно-правовое закрепление (фронтирная зона нередко является особым административным регионом в составе государства, имеющим собственные органы управления и пр.), по обе стороны которой население отличается по способу хозяйствования, структуре управления, системе правоотношений и т.д. Процесс стирания этой внутренней границы, сближения представляет собой фронтирную модернизацию, направленную на сближение людей по обе ее стороны. Именно этот процесс и происходил в Казахстане, в том числе, путем преобразования существовавшей в нем системы налоговых правоотношений.

Несомненно, процесс этих преобразований следует рассматривать в общем контексте российской модернизации XVIII — начала XX вв.⁹, однако с определенными оговорками. Едва ли к реформам в Казахстане в рассматриваемый период применимо буквальное понимание модернизации как перехода от аграрного общества к индустриальному. Казахи не были «аграрным обществом», и центральное российское правительство не преследовало цели превращать их в «индустриальное» (вплоть до 1930-х годов)¹⁰. Поэтому более целесообразно рассматривать имперские реформы в Казахстане как элемент модернизации в более широком смысле — перехода от традиционного государства в современному в политико-правовом смысле (т.е. в соответствии со вторым определением модернизации, предложенным Уральской научной школой). Налоговые преобразования являлись важной и неотъемлемой частью этого процесса, представляя собой весьма эффективный механизм модернизации, как будет показано ниже. Предлагаем проследить это на примере эволюции основного налога с населения в Казахстане в XIX в.¹¹

Главными источниками информации об этом процессе, естественно, являются нормативные правовые акты Российской империи, как высшие, вошедшие в Полное собрание законов Российской империи, так и региональные, в большом количестве содержащиеся в государственных архивах России и Казахстана. Однако ограничиваться ими не следует, поскольку они отражают в известной степени идеализированное и идеологизированное представление о налоговой реформе — то, как она должна была реализовываться и закрепляться по мнению законодателей. Реальный же ход реформ, отношение к ним можно почерпнуть из свидетельств современников (как представителей имперской администрации, так и местного населения), которые нашли отражение в официальной и частной переписке, записках современников и даже произведениях народного творчества — вплоть до пословиц и поговорок. К сожалению, в рамках небольшой статьи

⁹ См. подробнее: *Алексеев В.В.* Эволюция и революция в модернизационной динамике Российской цивилизации // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 13–15.

¹⁰ См., напр.: Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011. С. 271.

¹¹ Естественно, налоговая система в Казахстане не исчерпывалась только основным налогом, однако мы не ставим целью в настоящей работе дать характеристику всей совокупности налогов, взимавшихся с казахов, поскольку ряд работ был посвящен этой тематике еще в 1940–1970-е годы, см., напр.: *Фукс С.Л.* Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана, 2008. С. 349–361 (публикация диссертации, защищенной в 1948 г. — *Р.П.*); *Масанов Н.Э.* Налоговая политика царизма в Казахстане в 20–60-х годах XIX в. (социально-экономический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1980; *Зиманов С.З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1981. С. 110–113.

провести подробный анализ всех этих источников не представляется возможным, это задача для более серьезного и обширного исследования. Поэтому далее мы постараемся осветить лишь принципиальные моменты, которые намерены положить в основу дальнейшего изучения этой проблемы.

С момента признания казахами российского подданства традиционной формой налогообложения являлся ясак. Так, уже в грамоте императрицы Анны Иоанновны хану Абу-л-Хайру (первому из казахских правителей признавшему российский сюзеренитет) и всему казахскому народу о принятии их в российское подданство от 19 февраля 1731 г. содержался следующий пункт: «Первое, обещаетесь нашему и. в. [императорскому величеству — Р.П.] служить верно и платить ясак так, как служат башкиры»¹².

Эта форма налога имела весьма давнее происхождение. В Великой Монгольской империи и выделившихся из нее впоследствии чингизидских государствах он взимался с первой половины XIII в. под названием «копчур» со всех кочевых подданных: «И в том же году [632 г. х. / 1235 г. — Р.П.] установили копчур со скота, определив дать одну голову со ста голов»¹³.

Считаем целесообразным сказать несколько слов о самом термине «ясак», поскольку его этимология в определенной степени проливает свет на причины сохранения традиционного тюрко-монгольского налога имперской администрацией и после присоединения Казахстана к Российской империи. Легко увидеть сходство термина «ясак» и «Яса» («Великая Яса») — под этим термином принято понимать свод законов Монгольской империи, созданный Чингис-ханом в начале XIII в. Однако, начиная с 1970-х годов в востоковедческой литературе началась дискуссия относительно природы и содержания Великой Ясы. Ряд исследователей сумел убедительно (на взгляд автора настоящей статьи) доказать, что на самом деле термин «Яса» («Великая Яса») означал не кодифицированный акт, а либо совокупность ханских указов, принятых Чингис-ханом и его ближайшими преемниками, либо (в более широком смысле) законность и правопорядок, обеспечиваемый соблюдением имперского законодательства¹⁴. В пользу такой позиции свидетельствует использование термина «яса» или «ясак» без привязки к конкретным правовым актам. Например, выражение «предать ясе» в средневековых восточных исторических источниках означало подвергнуть наказанию на основе существующего законодательства, при этом и преступления, и наказания в разных правовых актах предусматривались различные¹⁵.

Аналогичным образом применительно к налоговой сфере термином «ясак» обозначались налоги и сборы, установленные на законном основании, отсюда и связь с термином «Яса» в смысле «закон», «установление», «порядок» (на что обращали внимание ученые уже в 1920-е годы)¹⁶. Именно в таком смысле использовался этот термин среди татар Поволжья и Сибири, башкир, бурят, бугаиров, селькупов и даже ненцев евро-

¹² Казахско-русские отношения в XVII–XVIII веках: сб. док. и матер. Алма-Ата, 1961. С. 40.

¹³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. М.; Л., 1960. С. 36.

¹⁴ См. Подр.: *Ayalon D.* The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination. Part A // *Studia Islamica*. № 33. 1971. P. 127, 138; *Morgan D.O.* The “Great Yasa of Chingiz Khan” and Mongol Law in the Ilkhanate // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. XLIX. № 1. 1986. P. 164, 168, 170. Ср.: *Rachewiltz I. de.* Some Reflections on Chinggis Qan’s *Jašagh* // *East Asian History*. 1993. № 6. P. 93–94.

¹⁵ См., напр.: *Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи)*. Зайл-и Джамии аттаварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э.Р. Тальшханова. Казань, 2011. С. 38, 56, 57, 102, 123, 147, 176, 182, 199, 233, 261.

¹⁶ *Бахрушин С.В.* Ясак в Сибири XVII в. Новосибирск, 1927. С. 1–2.

пейской части России в XVI–XVII вв.¹⁷ Когда эти народы и государства тем или иным образом вошли в состав России (сначала — Московского царства, затем — Российской империи), российские монархи, всячески демонстрируя законность своей власти, подчеркивая преемственность от прежних (чингизидских) правителей, часто воспринимали и традиционные политико-правовые институты — в частности, институт тарханства, шерстные (клятвенно-договорные) грамоты и т.д. В этих условиях сохранение ясака как законно установленного налога вполне устраивало российские власти, поскольку не требовало радикальных административных и финансовых реформ в новоприобретенных владениях и позволяло сохранять привычный для кочевых народов тип налогообложения, не вызывая их обеспокоенности ломкой традиционных правоотношений¹⁸.

В результате подобного подхода ясак продолжал существовать в Казахском ханстве в течение первого столетия его нахождения в вассальной зависимости от Российской империи, причем с такой же ставкой: 1% от общего поголовья скота всех казахов-налогоплательщиков, т.е. взималась 1 голова с каждых 100 голов скота, за исключением верблюдов. Правда, в первые десятилетия пребывания казахов в российском подданстве ясак практически не взимался в силу специфики переходного периода, а также особых отношений, сложившихся между имперскими властями и наиболее влиятельными казахскими ханами — в частности, с Абу-л-Хайром.¹⁹

Однако в последующий период система взимания налога была налажена, и в дальнейшем он получил нормативное закрепление в имперском законодательстве, причем сохранился даже после того, как в 1822–1824 гг. в Казахстане была упразднена ханская власть. Так, «Устав о сибирских киргизах», разработанный М.М. Сперанским (собственно, этим документом и упразднялся институт казахских ханов), содержал следующее положение: «По окончании льготного времени [сроком пять лет в связи с введением нового порядка управления — *Р. П.*] собирать с Киргизов ежегодно ясак скотом, со ста голов одну; с верблюдов ясак не собирается»²⁰. Таким образом, российские власти, изменив форму правления, существовавшую в течение веков, сохранили другие элементы древней тюрко-монгольской государственности и права, включая и сбор ясака.

Однако уже в первой половине XIX в. товарно-денежные отношения начинают довольно активно вытеснять традиционные меновые формы торговли в Казахстане²¹. При этом поначалу власти даже в какой-то степени старались ограничивать их чрезмерное (по мнению чиновников) развитие в Казахстане. Например, Положением Комитета министров от 30 марта 1818 г. было официально запрещено вывозить российскую монету за пределы пограничных линий (правда, под предлогом борьбы с продажей этой моне-

¹⁷ Там же. С. 2–3; Бродников А.А. Сбор ясака: зависимость процесса объяснения от потестарно-политической ситуации в регионе. По материалам Восточной Сибири XVII в. // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 119–123; Булгаков М.Б. Сбор ясака с европейских ненцев во второй половине XVII в. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 3. М., 2009. С. 24–25.

¹⁸ Любопытно отметить, что в XVI в. налоговый термин «ясак» применялся, по-видимому, исключительно в правоотношениях с кочевыми народами Поволжья, Урала и Сибири, тогда как во внутренних русских официальных актах и летописных источниках тот же налог именовался более привычным термином «дань», см., напр.: Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 248.

¹⁹ См.: Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л., 1947. С. 158.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII. СПб., 1830. № 29127. § 134. С. 424.

²¹ См.: Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958. С. 87; Масанов Н.Э. Налоговая политика царизма в Казахстане... С. 12.

ты в Бухару и последующей ее переплавкой)²². Однако уже в 1824 г. в постановлении «Об устройстве гильдий и о торговле прочих сословий» (введенном в действие манифестом императора Александра I и его же указом Сенату от 11 ноября) законодательно фиксировалось наличие среди «киргизов» особой торговой прослойки²³.

Как следствие, уже во второй трети XIX в. власти начали практиковать денежную форму выплаты ясака: например, лошадь оценивалась в 10 руб. серебром, одна голова крупного рогатого скота — в 5 руб. 72 коп., мелкого рогатого скота — в 57 коп.²⁴ С 1837 г. в Младшем жузе, который традиционно был более тесно связан с Российской империей, чем Средний и, в особенности, Старший жузы (Старший, как известно, был окончательно присоединен к России лишь в 1860-е гг.), вводится кибиточный сбор — принципиально иной налог по сравнению с ясаком²⁵. «Положением об управлении оренбургскими киргизами» от 13 июля 1844 г. кибиточный сбор был закреплен указом Правительствующего Сената по именному указу Николая I, а также была установлена фиксированная сумма этого сбора — 1 руб. 50 коп. в год серебром с каждой кибитки²⁶.

В соответствии с современной налогово-правовой терминологией ясак можно определить как прогрессивный налог, в какой-то степени соотносимый с нынешним подоходным налогом — его размер зависел от благосостояния налогоплательщика. Кибиточный сбор, как отмечают исследователи, в большей мере соотносился с подушной податью, введенной в России еще при Петре I,²⁷ и представлял собой фиксированную сумму, одинаково взимающуюся как с богатых владельцев скота, так и с бедноты, которая была вынуждена наниматься для выпаса чужого скота²⁸. Налогоплательщиком в равной степени становился, таким образом, каждый полноправный член казахского общества, т.е. хозяин собственного дома, глава семейства. По свидетельствам современников (в том числе, и представителей российской имперской администрации) для выплаты кибиточного сбора некоторым казахам приходилось продавать собственное имущество²⁹. Неудивительно, что даже русские чиновники выражали свое несогласие с данной реформой, понимая, что ее неуклонная реализация приводит к обнищанию налогоплательщиков.

Ярким примером подобной тенденции является случай с чиновником Оренбургской пограничной линии Любимовым, в 1846 г. отправившим в Министерство иностранных дел (формально ведавшее отношениями с Казахстаном) письмо, в котором он писал, что «теперь беднейший из киргизов платит наравне с самым богатым, т.е. по 1 руб. 50 коп. серебром в год с кибитки, налог этот для первого в высшей степени тягостен, для второго не чувствителен, бедные киргизы иногда находятся в необходимости продавать последнее свое имущество (таганы, котлы и т.п.), чтобы заплатить требуемую с них подать», обращая внимание руководства Министерства привести кибиточный сбор «в большую уравнительность». Министерство, получив письмо, обратилось к предсе-

²² Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXV. СПб., 1830. № 27326. С. 179–180.

²³ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIX. СПб., 1830. № 30115. § 206. С. 609.

²⁴ Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960. С. 267.

²⁵ См.: Зиманов С.З. Политический строй Казахстана... С. 266.

²⁶ Положение об управлении оренбургскими киргизами. СПб., 1844. § 79. С. 22.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. V. СПб., 1830. № 3245. С. 597. См. также: Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982.

²⁸ См.: Масанов Н.Э. Налоговая политика царизма в Казахстане... С. 11.

²⁹ Зиманов С.З. Политический строй Казахстана... С. 268; Масанов Н.Э. Налоговая политика царизма в Казахстане... С. 19.

дателью Оренбургской пограничной линии Ладыженскому, требуя, чтобы он высказал собственное мнение относительно письма своего подчиненного, и тот полностью согласился с ним, отметив, что кибиточный сбор «есть сущая несправедливость»³⁰.

Тем не менее, введенный в виде своеобразного «эксперимента» в Младшем жузе, кибиточный сбор постепенно распространялся на другие регионы Казахстана. Поводом для окончательного его закрепления в качестве основного налога стала очередная административная реформа, имевшая место в 1867–1868 гг., основным последствием которой стала отмена традиционного многовекового деления Казахстана на Старший, Средний и Младший жузы и их подразделения на племена и роды. На смену им пришли более характерные для российской административной системы (имперских окраин) области, уезды и волости. Соответственно, на смену прежним волостным и окружным правителям, носившим традиционное для Казахстана звание султанов, пришли русские чиновники — военные губернаторы областей и уездные начальники; прежний выборный характер властей (фактически — местного самоуправления) сохранился лишь на уровне волостей и отдельных аулов. Тем самым происходила более полная инкорпорация населения Казахстана в политико-правовое пространство Российской империи, распространение на них административно-правового регулирования, принятого и в европейской части государства.

Поводом для этой реформы стало то, что в первой половине 1860-х годов состоялось окончательное присоединение к Российской империи казахского Старшего жуза, ранее частично находившегося в составе китайской империи Цин, частично — в составе Кокандского ханства³¹. Соответственно, понадобилось создание новой системы управления новоприобретенными владениями, отличной от той, которую они имели при цинском и кокандском правлении. Именно на земли Старшего жуза впервые была распространена охарактеризованная выше реформа, закрепленная во «Временном положении об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях», подписанном императором Александром II 11 июля 1867 г. Эти земли вошли в состав Туркестанского генерал-губернаторства, изначально став, таким образом, частью Российской империи. Соответственно, на них распространялось основное имперское законодательство³². Соответственно, основным налогом в новоприобретенных землях стал именно кибиточный сбор (или кибиточная подать), составлявший первоначально 2 руб. 75 коп. с кибитки, а с 1882 г. увеличившийся до 4 руб.³³

Годом позже новый порядок административного управления был распространен и на территории Среднего и Младшего жузов, уже в течение длительного времени находившихся в вассальной зависимости от Российской империи, но традиционно сохранявших элементы собственной системы управления и права. 21 октября 1868 г. было принято «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях», в соответствии с которым территории двух жузов преобразовывались в области. Две из них (Уральская и Тургайская) входили в Оренбург-

³⁰ См.: Зиманов С.З. Политический строй Казахстана... С. 268.

³¹ См. подробнее: Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 128–139; Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973. С. 115–139; Сатенова М.Р. О взаимоотношениях казахской знати Семиречья с российской администрацией (50–60-е гг. XIX в.) // Отан тарихы. 2011. № 1 (53). С. 117–124.

³² См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLII. Отд. I. СПб., 1871. № 44831. С. 1150–1151.

³³ См. подробнее: Краткий исторический очерк поземельного владения в Семиреченской области и настоящее его положение // ЦГВИА. Ф. 400Аз, Оп. 1868, ед. хр. ба.

ский край, а другие две (Акмолинская и Семипалатинская) — в Западно-Сибирское генерал-губернаторство.³⁴

Эти преобразования в полной мере распространились и на сферу налоговых правоотношений. Если ранее казахи были разделены по жузам с относительно различными типами правоотношений, обусловленных историческими причинами, то теперь все они в равной степени оказались распределены по новым административно-территориальным единицам, и больше не было смысла сохранять различные формы налогообложения в различных, но равных по статусу областях, уездах и волостях. В результате «Временным положением» 1868 г. в качестве единственной формы основного налога с «киргизов», т.е. казахов, устанавливался именно кибиточный сбор: «С киргизов Оренбургского и Сибирского ведомств устанавливается кибиточный сбор по 3 руб. в год с кибитки»³⁵.

Замена натурального и прогрессивного ясака денежным и фиксированным кибиточным сбором объяснялась, конечно, в первую очередь, фискальными соображениями. Власти стремились обеспечить регулярное поступление в казну налогов в постоянном размере, тогда как ясаку в силу факторов как природных (джут, морозы и пр.), так и экономических (разорение простых казахов и пр.) была свойственна синусоидная кривая³⁶.

Однако вместе с тем не стоит сбрасывать со счетов и влияние процесса модернизации. Как уже отмечалось, развитие товарно-денежных отношений способствовало постепенному переходу казахского населения от меновых форм расчетов к денежным и даже формированию особой прослойки казахского купечества: согласно Высочайше утвержденному положению Сибирского Комитета «О причислении в купечество сибирских киргизов» от 21 января 1835 г., «сибирские Киргизы могут записываться в купечество по водворении их во внутренних округах Омской области, они могут в ее внешних округах производить, сверх оптовой, розничную торговлю без всяких свидетельств...»³⁷. На наш взгляд, тот факт, что среди казахов, традиционно осуществлявших меновые отношения, стала формироваться прослойка профессиональных торговцев, активно участвовавших в денежно-товарном обороте, свидетельствует об эффективности политики фронтальной модернизации в Казахстане. В пользу такого мнения говорит тот факт, что кочевое население Восточной Сибири еще в начале XX в. продолжало уплачивать ясак, причем не только деньгами, но и в наиболее архаичной форме — «рухлядь» (пушшиной). Последний закон, регулировавший налогообложение кочевников Восточной Сибири («О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственной оброчной и поземельной податью»), был принят 19 января 1898 г. и действовал вплоть до 1917 г.³⁸

Постепенная подготовка перехода от натуральных выплат к денежным сборам происходила как за счет принятия специальных нормативных актов, так и в результате все более тесного взаимодействия казахов-кочевников с оседлым населением — русских крестьян, дунган и таранчей, — численность которого в Казахстане постепенно увели-

³⁴ Казактын ата зандалры = Древний мир права казахов. Т. V. Алматы, 2005. § 1–4. С. 441.

³⁵ Там же. § 168. С. 456.

³⁶ Масанов Н.Э. Налоговая политика царизма в Казахстане. С. 13.

³⁷ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Отд. I. СПб., 1836. № 7782. С. 62.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XVIII. Отд. I. СПб., 1901. № 14908. С. 41. См. также: Дамешек Л.М. Об экономической сущности и юридической принадлежности сибирского ясака на рубеже веков // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 7–8 июня 2001 г. Иркутск, 2002. С. 189–190.

чивалась. Эта категория населения выплачивала специальную оброчную подать, размер которой зависел от площади земельного участка, а не от размера собираемого урожая, что, по сути, сближало казахстанских земледельцев с кочевниками в отношении выплаты фиксированной суммы налога. Данный процесс получил официальное закрепление в двух последних по времени нормативных актах, регламентировавших правоотношения в Казахстане в период его нахождения в составе Российской империи — в «Положении об управлении Туркестанского края» от 2 июня 1886 г. (точнее, больше интересующих нас «Правилах о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае», дополняющих это положение) и в «Положении об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» от 25 марта 1891 г.

В соответствии с первым из этих актов оседлое население облагалось поземельным налогом (с одновременной отменой прежних мусульманских форм налогообложения — хараджного и танапного сборов)³⁹, для кочевого населения по-прежнему сохранялся в качестве основного налога кибиточный сбор, ставка которого, впрочем, была увеличена: «Кочевое население облагается, в доход казны, податью в размере четырех рублей с кибитки и всякого заменяющего ее помещения для жилья (юрты, дома, сакли, землянки)»⁴⁰. Аналогичные положения присутствовали и во втором акте 1891 г.: оседлые поселения русских крестьян, дунган и таранчей облагались оброчной податью «по количеству удобной земли, показанной во владенной записи»⁴¹. Кочевое население, как и ранее, облагалось кибиточной податью: «Кочевое население областей облагается, в доход казны, податью, исчисляемую по расчету четырех рублей с кибитки и всякого заменяющего ее помещения для жилья (юрты, дома, сакли, землянки)»⁴².

Как видим, кибиточный сбор, вызывавший столь значительное негодование как местного населения, так и представителей российской имперской администрации в Казахстане, был сохранен. Однако власти постарались учесть жалобы и замечания, высказанные ранее при его введении, и внесли некоторые изменения в порядок налогообложения: «Раскладка сумм кибиточной подати производится по благосостоянию каждого кибитковладельца, причем сумма сей подати, причитающаяся с волости, распределяется между аульными обществами — волостным съездом, а сумма, причитающаяся с аульного общества, распределяется между кибитковладельцами — аульным съездом... В случае неисправности кибитковладельца в платеже кибиточной подати, недоимка уплачивается остальными кибитковладельцами аульного общества, по раскладке аульного съезда, а при неисправности аульного общества — остальными аульными обществами волости, по раскладке волостного съезда. Меры взыскания подати с недоимщиков определяются народными обычаями»⁴³. Таким образом, проблема разорения малоимущих налогоплательщиков в какой-то степени оказалась решенной за счет более объективного распределения кибиточного сбора между населением той или иной административно-территориальной единицы. Надо сказать, что это в полной мере соответствовало правилам налогообложения, действовавшим в европейской части Российской империи, что также сближало население казахстанской «фронтальной зоны» с остальным населением Империи.

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VI. СПб., 1888. № 3814. § 285. С. 340.

⁴⁰ Там же. § 300. С. 342.

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XI. СПб., 1894. № 7574. § 149–152. С. 146.

⁴² Там же. § 137. С. 145.

⁴³ Там же. § 145, 148. С. 145–146.

Как известно, реформы 1868 г. вызвали определенное возмущение среди казахов, и в 1868–1870 гг. в Казахстане имело место несколько восстаний, в ходе которых предпринимались попытка возврата прежних форм правоотношений, вплоть до восстановления ханской власти⁴⁴. Однако эти восстания носили локальный характер и не отражали отношения к преобразованиям казахского населения в целом. Это также подтверждает, что казахи были в значительной степени подготовлены к реформе и в целом восприняли ее как закрепление уже фактически сложившихся отношений. Соответственно, изменения в системе управления и налогообложения казахов, внесенные Положениями 1886 и 1891 гг., не встретили сопротивления, имевшего места на предыдущем этапе преобразований.

Не будем забывать, в какое время проводилась реформа в Казахстане — в эпоху так называемых «Великих реформ» в Российской империи, когда представители непривилегированных сословий получили возможность более активно участвовать как в экономической, так и политической жизни общества, в том числе путем поступления на государственную службу и пр. Был сделан серьезный шаг на пути от сословного общества к формированию единой совокупности подданных российских императоров. На наш взгляд, преобразования в Казахстане в известной степени отражали эту тенденцию: казахи постепенно интегрировались в общеимперское политико-правовое пространство, в значительной степени приобретаая права и обязанности, сходные с правами и обязанностями российских подданных из центральных областей империи. Если вспомнить, что уже со второй трети XIX в. даже представители простого казахского населения имели возможность поступать на государственную службу и занимать чиновничьи должности, а затем, когда начала функционировать Государственная Дума, в ней заседали также и представители от Казахстана⁴⁵, то можно убедиться в том, что процесс интеграции казахов в имперское пространство оказался достаточно органичным. Это дает основание говорить, что Казахстан не являлся колонией Российской империи — по крайней мере, по сравнению с колониями Великобритании или Франции, которые несколько не заботились об изменении статуса местного населения и приведении законодательства и положения жителей колоний в соответствие с ситуацией в самих метрополиях.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Казахстан в составе Российской империи также проходил процесс модернизации. Традиционные государственность и право казахов постепенно трансформировались в современные при все более полной интеграции Казахстана в имперское политико-правовое пространство. Эволюция основного налога с казахов, полагаем, является достаточно показательным примером этого процесса, что подтверждается рядом показателей. Во-первых, уже упоминавшееся сближение казахов-кочевников и представителей оседлого казахстанского населения как налогоплательщиков; во-вторых, имело место упразднение льгот в налоговой сфере, ранее присущих представителям высших сословий казахского общества — в первую очередь, казахских султанов, потомков Чингисхана, а также представителей волостного и аульного управления.

Исключения из этого правила были немногочисленны и носили индивидуальный характер, будучи специально предусмотренными в законодательстве. В частности, «Временное положение» 1868 г. гласило: «§ 185. Волостные управители и аульные старшины, как получающие содержание от общества, не освобождаются от платежа кибиточного сбора. § 186. Льготы от платежа кибиточного сбора и других повинностей, дарованные семействам покойных хана Ширгазы Айчувакова и султанов Баймухамета Айчувакова,

⁴⁴ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 2: От правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 2. С. 92–93.

⁴⁵ См., напр.: *Озганбаев О.* Казахи-депутаты в I и II Государственных думах // Казахстанская правда. 1996. 23 апреля.

Ахмада и Арслана Джантюриных, равно как и семействам киргизов, убитых и раненых в 1844 году в отряде, действовавшем против мятежного Султана Кенесары Касымова, остаются в своей силе. § 187. От платежа кибиточного сбора освобождаются также потомки бывших ханов Валия и Букея, по прямой линии, пользовавшиеся льготами от платежа ясака за определенное количество голов скота»⁴⁶.

Причины освобождения от уплаты кибиточного сбора именно указанных лиц не исчерпывались указанной непосредственно в нормативном акте — участием султанов и менее знатных казахов в борьбе с движением Кенесары Касымова (1830–1840-е гг.). Несомненно, российские власти учитывали, что семейства султанов Айчуваковых и Джантюриных, происходившие от хана Абу-л-Хайра, пользовались большим влиянием в Младшем жузе, который некогда возглавлял этот хан, тогда как потомки ханов Валия и Букея имели аналогичное влияние в бывших Старшем и Среднем жузах. Соответственно, имея определенные льготы, они в большей степени могли воздействовать на местное население, удерживая его от выступления против преобразований, производимых российской имперской администрацией.

Естественно, говорить о превращении населения имперской России и, в частности, ее казахских подданных, в «гражданское общество» не приходится. Однако, на наш взгляд, итогом преобразований стало постепенное превращение населения Казахстана из своеобразных вассалов российских императоров в часть единой совокупности российских подданных, чьи права и обязанности в целом соответствовали правам и обязанностям населения других регионов империи.

Вместе с тем, эволюция налоговой системы Казахстана отражает общую политику Российской империи по отношению к национальным окраинам: постепенную инкорпорацию их в имперское политико-правовое пространство при учете и, в известной степени, сохранении своеобразия общественных отношений, складывавшихся веками. На наш взгляд, именно подобный процесс был характерен для правовой политики Российской империи по отношению к «национальным окраинам», что и обеспечивало эффективное взаимодействие имперского центра и национальных регионов как на западе, так и на востоке Империи. Необходимость учитывать своеобразие национальных политических и правовых систем нашла отражение в весьма интересном правовом явлении — разработке центрального имперского законодательства для отдельных «национальных окраин», которое, несомненно, заслуживает отдельного исследования.

В заключение следует отметить, что процесс интеграции казахов в имперское политико-правовое пространство был сложным и комплексным явлением и происходил по многим разнородным направлениям — политическому, экономическому, культурному и пр. Но если до сих пор речь о фронтальной модернизации шла, прежде всего, в контексте инноваций (преимущественно технического и экономического плана), то настоящее исследование показывает возможности использования правового ресурса для такой модернизации, конкретно — регулирования налоговых правоотношений. При этом специфической чертой данного процесса было то, что, помимо прямого использования нормативно-правовых средств (принятия и введения в действие соответствующих нормативных актов, реформирующих систему налогообложения) власти осуществляли меры общеэкономического характера, приобщая население Казахстана к товарно-денежным отношениям, способствуя переселенческой политике, приводившей к появлению в казахских степях представителей оседлых поселений (русских, дунганских и пр.), в результате чего казахи были и «психологически» готовы к введению в действие правовых актов, радикально преобразующих налоговые правоотношения. Таким образом, преобразования в налоговой сфере стали еще одним, причем весьма эффек-

⁴⁶ Казактын ата зандары = Древний мир права казахов. С. 457.

тивным инструментом фронтальной модернизации, который прежде не рассматривался в контексте изучения данного процесса.

Библиография

- Акишин М.О. Функции государства и процесс модернизации // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3. С. 58–74.
- Алексеев В.В. Эволюция и революция в модернизационной динамике Российской цивилизации // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 4–28.
- Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982.
- Басыров Р.Р. Теория модернизации и история Башкирии XVIII в. / Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 13-й международной конференции молодых ученых 26–30 декабря 2002 г. СПб., 2002. С. 460–463.
- Бахрушин С.В. Ясак в Сибири XVII в. Новосибирск, 1927.
- Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М. 1957.
- Бродников А.А. Сбор ясака: зависимость процесса объяснения от потестарно-политической ситуации в регионе. По материалам Восточной Сибири XVII в. // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 119–123
- Булгаков М.Б. Сбор ясака с европейских ненцев во второй половине XVII в. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 3. М., 2009. С. 24–40.
- Воропанов В.А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Ураде и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011.
- Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л., 1947.
- Дамешек Л.М. Об экономической сущности и юридической принадлежности сибирского ясака на рубеже веков // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 7–8 июня 2001 г. Иркутск, 2002. С. 189–190.
- Дамешек Л.М. Окраинная политика как фактор инкорпорации сопредельных территорий Российской империи (XVIII — начало XX в.) // Вестник БНЦ СО РАН. Вып. 2. Улан-Удэ, 2011. С. 61–65.
- Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960.
- Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1981.
- Казактын ата зандалары = Древний мир права казахов. Т. V. Алматы, 2005.
- Казахско-русские отношения в XVII–XVIII веках: сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961.
- Краткий исторический очерк поземельного владения в Семиреченской области и настоящее его положение // ЦГВИА. Ф. 400Аз, Оп. 1868, ед. хр. 6а.
- Масанов Н.Э. Налоговая политика царизма в Казахстане в 20–60 годах XIX в. (социально-экономический анализ). Автореф. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1980.
- Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998.
- Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. / Сб. научных статей / Отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2012.
- Озганбаев О. Казахи-депутаты в I и II Государственных думах // Казахстанская правда. 1996. 23 апреля.
- Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург, 2011.
- Побережников И.В. Административный фактор в контексте фронтальной модернизации Урала XVIII–XIX вв. / Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI века) / Сб. статей Всероссийской научной конференции с международным участием

(Оренбург, 30 октября — 2 ноября 2012 года) / Под ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. Оренбург, 2012. С. 17–20.

Побережников И.В. Азиатская Россия: фронтальная модернизация // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Т. 96. 2011. № 4. С. 191–203.

Побережников И.В. Фронтальная модернизация в контексте российской цивилизации / Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 47–61

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXV. СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII. СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIX. СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Отд. I. СПб., 1836.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLII. Отд. I. СПб., 1871.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VI. СПб., 1888.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XI. СПб., 1894.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XVIII. Отд. I. СПб., 1901.

Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

Положение об управлении оренбургскими киргизами. СПб., 1844.

Почекаев Р.Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 2: От правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 2. С. 85–96.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. М.; Л., 1960.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и новаций / Сб. научных статей / Отв. ред. Е.Ю. Казакова-Апкаримова. Екатеринбург, 2008.

Сатенова М.Р. О взаимоотношениях казахской знати Семиречья с российской администрацией (50–60-е гг. XIX в.) // Отан тарихы. 2011. № 1 (53). С. 111–128.

Тебаев Д.Б. Фронт в политике Российской империи на территории Степного края во второй половине XVIII века (на примере Младшего и Среднего Жузов) // Иран-наме. 2010. № 1 (13). С. 246–256.

Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана, 2008.

Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э.Р. Талышханова. Казань, 2011.

Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011.

Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.

Щеглова Т.К. Связи предпринимателей Степного края с сибирскими рынками: тенденции и динамика развития в период модернизации последней трети XIX — начала XX в. / Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы международной научной конференции. Барнаул, 27–28 марта 2008 г. Барнаул, 2008. С. 221–233.

Щербина А. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на Российскую империю (вторая половина XIX — начало XX столетия) // Логос. 2004. № 5 (44). С. 201–215.

Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination. Part A // Studia Islamica. № 33. 1971. P. 97–140.

Morgan D.O. The “Great Yasa of Chingis Khan” and Mongol Law in the Ilkhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XLIX. № 1. 1986. P. 163–176.

Rachewiltz I. de. Some Reflections on Chinggis Qan’s Yasagh // East Asian History. 1993. № 6. P. 91–104.

Evolution of Taxation in Kazakhstan of the 19th Century in the Context of Frontier Modernization

Roman Pochekaev

Head of the Department of Theory and History of State and Law, Saint-Petersburg campus of National Research University «Higher School of Economics», associate professor. Address: National Research University «Higher School of Economics», Pechatnikov str., 16, Saint-Petersburg, 190008, Russian Federation.

Abstract

In the article the evolution of tax structure in Kazakhstan during the imperial period is observed, the process of integration of Kazakhs into imperial political and legal field is analyzed. The reform of taxation is considered as one of ways of frontier modernization of the “national remote area” of the Russian Empire.

During the first stage of Kazakhstan's being in the Russian Empire *yasak* as traditional form of taxation was saved as it was used among nomadic peoples of Eurasia since the Mongol Empire. But as integration of Kazakhs into imperial political and legal field intensified, taxation system was changed to draw local population together with one of another regions of the Russian Empire. Correspondingly, little by little Turkic-Mongol *yasak* (something like ‘income tax’) was changed by fixed ‘*kibitochnyi sbor*’ (*kibitka* tax). Despite the fact that it had negative consequences for many poor people of Kazakhstan, in general reform was accepted without substantial discontent. Possibly, it could be explained by its gradual nature: firstly it was realized in the Little Horde of Kazakhs (closer connected with Russia) and then in the Middle Horde. The success of the reform which began in 1830s was fixed in the legal acts of 1860s and 1890s.

Author suggests to consider taxation reform in Kazakhstan not only within the framework of budget policy against nomadic subjects to increase incomes from these region but as a part of scaled transformations during the modernization process at that time — epoch of the Great Reforms of Alexander the Second. Comparing of information about taxation reform and another political and legal processes which took place in Kazakhstan in 19th c. confirms such opinion.

Keywords

The Russian Empire, Kazakhstan, taxation reforms, traditional and modern state, frontier modernization, *yasak*, *kibitichnyi sbor* (*kibitka* tax), Great reforms, imperial political and legal field.

References

- Akishin M. (2011) Funktsii gosudarstva i protsess modernizatsii [The Functions of State and the Modernization Process], *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, no 3, pp. 58–74.
- Alekseev V. (2011) Evolutsiya i revolyutsiya v modernizatsionnoy dinamike Rossiyskoy tsivilizatsii [Evolution and Revolution in the Dynamics of Modernization of the Russian Civilization], *Modernizatsiya v tsivilizatsionnom kontekste: rossiyskiy opyt perekhoda ot traditsionnogo k sovremennomu obshchestvu* [Modernization in the Modern Context: Russia's Experience of Transition from Traditional to Modern Society], Yekaterinburg, pp. 4–28.
- Alekseev V. (2012) *Modernizatsiya v usloviyakh osvoeniya vostochnykh regionov Rossii v 18–19 vekov*. [Modernization during the Development of Russia' Eastern Regions in 18–19th Centuries], Ekaterinburg.
- Anisimov E. (1982) *Podatnaya reforma Petra I. Vvedenie podushnoy podati v Rossii 1719–1728 gg*. [Tribute Reform of Peter the Great. Introduction of Head Money in Russia], Leningrad, Nauka, pp. 27–30
- Ayalon D. (1971) The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination. Part A, *Studia Islamica*, no 33, pp. 97–140.
- Basyrov R. (2002) Teoriya modernizatsii i istoriya Bashkirii XVIII v. [Theory of Modernization and History of Bashkyriya in the 18th Century]. *Proceedings of the 13th International Conference of Young Researchers. Chelovek. Priroda. Obshchestvo. Aktual'nie problemy* (Saint Petersburg, Russia, December 26–30, 2002), Saint Petersburg, (in Russian)

- Bakhrushin S. (1927) *Yasak v Sibiri XVII v.* [Yasak in the 17th Century Siberia], Novosibirsk.
- Bekmakhanov E. (1957) *Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii* [Accession of Kazakhstan to Russia], Moscow, Nauka, pp. 68–69.
- Brodnikov A. (1999) Sbor yasaka: zavisimost' protsessa obyasachivaniya ot potestarno-politicheskoy situatsii v regione. Po materialam Vostochnoy Sibiri XVII v. [Tax of Yasak: the Introduction of the System and the Political Situation in the Region], *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnykh tsivilizatsiy. Kul'turniy kosmos Evrazii* - Eurasia: cultural heritage of ancient civilizations. Issue 1, Novosibirsk, pp. 119–123.
- Bulgakov M. (2009) Sbor yasaka s evropeiskikh nentsev vo vtoroi polovine XVII v. [Yasak Imposed on European Nents in the 2nd half of the 18th Century], *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh I dokumentakh*. [History of Russia in Research and Documents. Issue 3], Moscow, pp. 24–25.
- Dameshek L. (2001) Ob ekonomicheskoy sushchnosti I yuridicheskoy prinadlezhnosti sibirskogo yasaka na rubezhe vekov. *Proceedings of the Mezhhregional'noy nauchno-praktycheskoy konferentsii (Irkutsk, Russia, June 1 - 8, 2001)*, Irkutsk, pp. 189–190. (in Russian)
- Dameshek L. (2001) Okrainnaya politika kak faktor inkorporatsii sopredel'nykh teritoriy Rossiyskoy imperii (XVIII — XX v.) [Policy as to Margins as the Factor of Incorporating Territories Bordering the Russian Empire], *Vestnik BNC CO RAN*. [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], Vol. 2, pp. 61–65.
- Kazakova-Apkarimova E. (2008) *Rossiyskie modernizatsii 18-20 vekov: vzaimodeistvie traditsiy I novatsiy. Sbornik statey* [Russian Modernizations of 18-20 Centuries: Interaction of Traditions and New Trends. A Collection of Papers], Ekaterinburg.
- Fuks S. (2008) *Ocherki istorii gosudarstva I prava kazakhov v 18 I pervoy polovine 19 veka* [Essays on the History of State and Law of the Kazakhs in the 18th Century — the 1850s], Astana, pp. 56–61.
- Kivalov T. (ed.) (1961) *Kazakhsko-russkie otnosheniya v 17 — 18 vekakh* [Kazakhstan — Russia Relations in the 18 — 19 Centuries: Collection of Documents and Materials], Alma-Ata, pp. 68–70.
- Masanov N. (1980) *Nalogovaya politika tsarizma v Kazakhstane v 20-60 godakh 19 v. (sotsial'no-ekonomicheskii analiz)*. (Avtorefi diss. Kand. Istor. Nauk) [Taxation Policy of Tsars in Kazakhstan in the 1820 — 1860s (Social and Economic Analysis) PhD Thesis]. Alma-Ata,
- Mikhaylov R. (ed.) (1998) *Modernizatsiya v sotsiokul'turnom kontekste: traditsii I transformatsii* [Modernization in Social and Cultural Context], Ekaterinburg.
- Morgan D. (1986) The “Great Yasa of Chingis Khan” and Mongol Law in the Ilkhanate, *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, vol. 49, no 1, pp. 163–176.
- Ostapenko R. (2011) *Opyt rossiyskikh modernizatsiy 18–20 vekov: vzaimodeistviye makro I mikroprotsessov* [Experience of Russian Modernization in 18–20th Centuries: Interaction of Macro and Micro Processes]. Ekaterinburg.
- Ozganbaev O. (1996) Kazakhi-deputaty v 1 i 2 Gosudarstvennykh dumakh [Kazakhstani Deputies in the 1st and 2nd State Dumas], *Kazachstanskaya Pravda*, no 46, pp. 31–34.
- Poberezhnikov I. (2012) Administrativniy faktor v kontekste frontirnoy modernizatsii Urala 18-19 vekov. *Proceedings of the All-Russia Research Conference* (Orenburg, Russia, October 30 — November 2, 2012) (eds. E. Godovova, S. Lyubichankovskiy), Orenburg, 2012, pp. 17–20.
- Poberezhnikov I. (2011) Aziatskaya Rossiya: frontirnaya modernizatsiya [Asian Russia: Frontier Modernization], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. 2: Gumanitarnie nauki. Vol. 96, no 4, pp. 191–203.
- Poberezhnikov I. (2011) Frontirnaya modernizatsiya v kontekste rossiyskoy tsivilizatsii [Frontier Modernization in the Context of Russian Civilization], *Modernizatsiya v tsivilizatsionnom kontekste: rossiyskiy opyt perekhoda ot traditsionnogo k sovremennomu obshchestvu* [Modernization in the Modern Context: Russia's Experience of Transition from Traditional to Modern Society], Ekaterinburg, pp. 47– 61.
- Pochekaev R. (2001) Pravovaya situatsiya v Kazakhstane v sostave Rossiyskoy imperii. Ch. 2. Ot pravovogo kompromissa k okonchatel'noy integratsii v imperskoe pravovoe prostranstvo (1824–1868) [Legal Situation in Kazakhstan as Part of the Russian Empire. Part. 2. From Legal Compromise to the Final Integration into the Imperial Legal Framework (1824–1868)]. *Voprosy istorii I arkheologii Zapadnogo Kazakhstana*, no 2, pp. 85–96.
- Rachewiltz I. de. (1993) Some Reflections on Chinggis Qan's Yasagh, *East Asian History*, no 6, pp. 91–104.
- Rezun D., Shilovskiy M. (2005) *Sibir, konets 16 — nachalo 20 veka: frontier v kontekste etnosotsial'nykh I etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, the End of 16th the Beginning of the 20th Centuries: Frontier in the Context of Ethnic and Social Processes], Novosibirsk.

Satenova M. (2011) O vzaimootnosheniyakh kazakhskoy znati Semirechuya s rossiyskoy administratsiyey (the 1850s — 1860s) [On the Relations between Kazakh Noblemen of Semirechye and Russian Administration (the 1850s–1860s)]. *Otan tarikh*, no 1 (53), pp. 111–128.

Sergeev N. (ed.) (2011) *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy 18–20 vekov: prostranstvenno- vremennoy aspect* [Civilizational Specifics of the Russian Modernizations 18–19 Centuries: a Space-Time Aspect], Ekaterinburg, 2011. Shcherbina A. (2004) *Vliyaniye integratsionnykh i modernizatsionnykh protsessov na Rossiyskuyu imperiyu (1850s-1900s)* [Influence of Integration and Modernization Processes on the Russian Empire (1850s–1900s)]. *Logos*, no 5 (44), pp. 201–215. Shcheglova I. (2008) *Svyazi predprinimateley Stepnogo kraya s sibirskimi rynkami: tendentsii i dinamika razvitiya v period modernizatsii posledney treti 19 nachala 20 veka* [Trade Ties between the Step Krai and Siberian Markets: Tendencies and Dynamics of the Development during the 19–20th Centuries Modernization]. *Proceedings of the International Research Conference*. (Barnaul, Russia, March 27–28, 2008), Barnaul, pp. 221–233.

Shoinbaev T. (1973) *Progressivnoe znachenie prosoedineniya Kazakhstana k Rossii* [Progressive Significance of the Annexation to Russia], Alma-Ata, pp. 76–79.

Tabayev D. (2010) *Frontir v politike Rossiyskoy imperii na territorii stepnogo kraya vo vtoroy polovine 18 veka (na primere Mladshogo i Srednego Zhuzov)* [Frontier in the Politics of the Russian Empire on the Territory of the Step Region in the 2nd Half of the 18th Century], *Iran-name*, no 1 (13), pp. 246–256.

Voropanov V. (2011) *Regional'niy factor stanovleniya sudebnoy sistemy Rossiyskoy imperii na Urale i v Zapadnoy Sibiri (poslednyaya tret' 18 — pervaya polovina 19 vv.): istoriko-yuridicheskoe issledovanie*. [Regional Factor in the Formation of the Russian Empire Judicial System in the Urals and Western Siberia (the Last Quarter of the 18th — the First Half of the 19th Centuries): a Historical and Legal Essay], Chelyabinsk, pp. 49–53.

Vyatkin M. (1947) *Batyr Srym* [Batyr Srym], Moscow, Leningrad.

Zimanov S. (1960) *Politicheskiiy stroy Kazakhstana kontsa 18 - pervoy poloviny 19 v.* [Political Regime of Kazakhstan at the End of the 18th and the First Half of the 19th Centuries], Alma-Ata, pp. 56–57.

Zimanov S. (1981) *Rossiya i Bukeyevskoe khanstvo* [Russian and Bukey Khanate], Alma-Ata, pp. 120–123.